

АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ

MARGO

Часть сборника: Исповедь сына века. Новеллы

Альфред де Мюссе

Марго

«ФТМ»

Мюссе А.

Марго / А. Мюссе — «ФТМ»,

«В большом доме готической архитектуры на улице Перш, в квартале Марэ, жила в 1804 году одна пожилая дама, которую знал и любил весь квартал. Ее звали госпожа Дорадур...»

© Мюссе А.

© ФТМ

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Альфред де Мюссе Марго

I

В большом доме готической архитектуры на улице Перш, в квартале Марэ, жила в 1804 году одна пожилая дама, которую знал и любил весь квартал. Ее звали госпожа Дорадур. Это была женщина доброго старого времени, не принадлежавшая ко двору, но вышедшая из хорошей семьи среднего круга, богатая, благочестивая, веселая и добросердечная. Она вела очень уединенную жизнь. Единственное ее занятие состояло в том, что она раздавала милостыню да играла в бостон с соседями. Обедать у нее садились в два часа, ужинали в девять. Из дому она почти не выходила, бывала только в церкви, а иной раз, на обратном пути, совершала небольшую прогулку на Королевскую площадь. Словом, она осталась верна обычаям и отчасти модам своего века, весьма мало заботясь о нашем, чаще почитывала молитвенник, нежели газеты, предоставляла свету идти своей дорогой и думала только об одном – как бы умереть спокойно.

Так как госпожа Дорадур любила поговорить и даже была несколько болтлива, то вот уже двадцать лет – с тех пор, как овдовела, – постоянно держала при себе компаньонку. Эта компаньонка, с которой она никогда не расставалась, превратилась для нее в подругу. Они постоянно ходили вместе к обедне, вместе гуляли, вместе сидели у камина. Мадемуазель Урсула хранила ключи от погреба, от шкафов, даже от конторки. Это была высокая, сухопарая, мужеподобная девица, cedившая слова сквозь зубы, весьма властная и довольно сварливая. Госпожа Дорадур, будучи невысока ростом, обыкновенно висела, по-детски лепеча, на руке этой неприятной особы, называла ее милочкой и позволяла ей помыкать собой. Она безгранично доверяла своей любимице и заблаговременно выделила ей немалую толику в своем завещании. Это было небызвестно мадемуазель Урсуле, а потому она уверяла всех, что любит свою госпожу больше, чем самое себя, и говорила о ней не иначе, как возводя очи к небу и вздыхая от умиления.

Само собой разумеется, что истинной хозяйкой дома была мадемуазель Урсула. Пока госпожа Дорадур, полулежа в своих глубоких креслах, вязала что-нибудь в уголке гостиной, мадемуазель Урсула, вооруженная ключами, величественно расхаживала по коридорам, хлопала дверьми, расплачивалась с поставщиками провизии и изводила прислугу. Но как только наступал час обеда и являлись гости, она робко входила в своем скромном темном платье, с постной физиономией, почтительно кланялась, умела стушеваться и быть незаметной. В церкви никто не молился с таким усердием, никто не потуплял глаз столь смиренно. Госпоже Дорадур, чье благочестие было вполне искренним, случалось иногда задремать посреди проповеди. Мадемуазель Урсула тихонько толкала ее локтем, и сам священник умел ценить это. У госпожи Дорадур были арендаторы, жильцы, управители. Мадемуазель Урсула проверяла их счета и не имела себе равных по части придинок и кляуз. В доме благодаря ей нельзя было найти ни пылинки: все было выметено, вычищено, вылизано; стулья всегда стояли на своих местах, белье сияло белизной, посуда сверкала, часы шли минута в минуту. Все это необходимо было домоправительнице, чтобы иметь возможность вволю браниться и царить во всем блеске своей славы.

Сказать правду, госпожа Дорадур была не совсем слепа к недостаткам своей приятельницы, но всю жизнь она умела видеть в людях одно только хорошее. Дурное казалось ей чем-то неясным, и она терпела его, не понимая. К тому же привычка была над ней всеильна: вот уже двадцать лет, как она опиралась на руку мадемуазель Урсулы и как они вместе пили утренний кофе. Когда ее любимица кричала чересчур громко, госпожа Дорадур откладывала в сторону

вязанье и спрашивала своим нежным, как флейта, голосом: «Что там такое, моя милочка?» Но «милочка» не всегда удостаивала ее ответом, а если и входила в объяснения, то эти объяснения были таковы, что госпожа Дорадур поскорее возвращалась к своему вязанью и начинала вполголоса напевать песенку, чтобы их не слышать.

И вдруг стало известно, что мадемуазель Урсула все эти годы злоупотребляла оказываемым ей доверием и обманывала всех, начиная со своей хозяйки. Она не только нажила целый капитал на тех хозяйственных покупках, которыми распоряжалась, но, не дожидаясь, пока войдет в силу завещание госпожи Дорадур, постепенно присваивала себе ее платья, белье и даже драгоценности. Безднаказанность придает смелости – компаньонка наконец дошла до того, что похитила шкатулку с бриллиантами, которые, правда, госпожа Дорадур никогда не надевала, но которые она с незапамятных времен бережно хранила в одном из ящиков комода на память о своих былых чарах. Госпожа Дорадур не пожелала отдать под суд женщину, которую прежде любила; она ограничилась тем, что прогнала ее и даже отказалась повидаться с ней в последний раз. Но тут она внезапно оказалась в таком ужасном одиночестве, что стала проливать горькие слезы. Несмотря на все свое благочестие, она не смогла удержаться, чтобы не посетовать на превратности всего земного и на жестокие капризы слепого случая, не пощадившего даже ее отрадного старческого заблуждения.

Как-то раз, когда ее сосед и друг, некий господин Дебре, зашел навестить ее и утешить, она обратилась к нему за советом.

– Что теперь будет со мной? – говорила она. – Я не могу жить одна. Где мне найти новую подругу? Та, которой я лишилась, была так дорога мне, я так с нею свыкла, что, несмотря на черную ее неблагодарность, мне жаль, что ее больше нет со мною. А кто поручится мне за новую? Какое доверие смогу я теперь питать к незнакомой женщине?

– Несчастье, которое вас постигло, – отвечал ей господин Дебре, – будет еще тяжелее, если оно заставит усомниться в добродетели даже такую доверчивую душу, как ваша. На свете есть немало негодяев и множество лицемеров, но есть же и честные люди. Возьмите другую компаньонку. Выбирайте ее обдуманно, не спеша, но не будьте и чересчур подозрительны. Один раз ваше доверие обманули – тем больше оснований полагать, что во второй раз этого не случится.

– Должно быть, вы правы, – отвечала госпожа Дорадур, – но мне очень грустно, и я нахожусь в большом затруднении. Я ни одной души не знаю в Париже. Не будете ли вы так добры навести справки и найти мне какую-нибудь честную девушку? Ей будет у меня хорошо, а я, по крайней мере, смогу опереться на ее руку, когда пойду в церковь Святого Франциска Ассизского.

Господин Дебре, постоянный обитатель квартала Марэ, был не слишком проворен и не обладал широким кругом знакомств. Однако он сразу же принялся за поиски, и несколько дней спустя у госпожи Дорадур появилась новая компаньонка, которую она вскоре полюбила всем сердцем, так как была столь же привязчива, сколь добра. Однако по прошествии двух или трех месяцев новоприбывшую пришлось прогнать, так как она оказалась не то чтобы нечестной, но и не вполне честной. Это было новым огорчением для госпожи Дорадур. Она сделала попытку поискать еще, обращалась ко всем соседям, даже поместила объявление в «Справочном листке», – ей опять не повезло.

Тогда ее охватило уныние. Опираясь на палку, добрая старушка стала одна ходить в церковь. Она решила дожить остаток дней без посторонней помощи, говорила она. И вот она попыталась скрыть от людей свое горе и свою старость. Однако, когда она поднималась по лестнице, ноги у нее дрожали, – ей было семьдесят пять лет! По вечерам она сидела у камина, опустив голову, праздно сложив руки. Одиночество было для нее невыносимо. Вскоре ее здоровье, и без того слабое, пошатнулось, и мало-помалу она стала впадать в меланхолию.

У нее был единственный сын, по имени Гастон, рано избравший военное поприще и сейчас стоявший в гарнизоне. Она написала ему и, рассказав о своих горестях, попросила приехать, чтобы помочь в ее затруднениях. Гастон нежно любил свою мать. Он попросил отпуск и получил его. Но, к несчастью, гарнизон его находился в Страсбурге – городе, который, как известно, изобилует самыми хорошенькими гризетками Франции. Только здесь можно встретить этих черноволосых немок, сочетающих в себе германскую томность и французскую живость. Гастон пользовался расположением двух миленьких табачных торговек, которым вовсе не хотелось его отпускать. Тщетно пытался он уговорить их, даже пошел на то, чтобы показать письмо, полученное от матери. Они придумали столько всяческих доводов, что в конце концов убедили его, и он со дня на день откладывал свой отъезд.

А за это время госпожа Дорадур уже серьезно занемогла. Она была от рождения такой веселой и уныние было ей так не свойственно, что оно могло стать для нее только болезнью. Доктора не знали, что с нею делать.

– Оставьте меня, – говорила она, – я хочу умереть одна. Раз все, кого я любила, меня покинули, к чему мне дорожить остатком жизни, которая никому больше не нужна?

В доме царили глубочайшая печаль и вместе с тем ужаснейший беспорядок. Слуги, видя, что госпожа их умирает, и зная, что ее завешание уже сделано, перестали заботиться о ней. Комнаты и мебель, некогда содержавшиеся в такой чистоте, теперь были запущены и покрыты пылью.

– О моя дорогая Урсула! – восклицала госпожа Дорадур. – О моя милочка! Где ты? Ты бы разогнала всех этих бездельников!

Однажды днем, когда ей было особенно плохо, окружающие с удивлением увидели, что она вдруг приподнялась в постели, раздвинула полог и надела очки. В руке она держала письмо, которое ей только что подали и которое она распечатала с большой осторожностью. В верхней части почтового листка была красивая виньетка, изображавшая храм Дружбы с алтарем посередине и с двумя пылающими сердцами на алтаре. Все слова были написаны крупным косым почерком, выведены очень ровно, а на концах больших букв красовались длинные завитушки. Это было поздравление к Новому году, и в нем значилось приблизительно следующее:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.